

Глава 13

Семья Янь не заставила себя долго ждать.

Прежде они не осмеливались бесчинствовать в военном округе, но смерть Янь Цзи стала для них сокрушительным ударом. Чтобы утолить их гнев, Военное ведомство решило не вмешиваться в творимый ими произвол.

Сначала они прислали нескольких человек под благовидным предлогом заботы о здоровье Чжун Цина, но на деле заточили его в собственном доме, не позволяя покидать даже пределы спальни.

Страх перед Янь Цзи довёл их до одержимости. Каждый уголок дома был тщательно обыскан, и лишь убедившись в отсутствии малейшей опасности, они осмелились перейти к следующему этапу своего плана.

Этот страх они обратили в ненависть, выместив её целиком на Чжун Цине.

Они действовали медленно, словно резали тупым ножом. Каждый день из дома исчезало что-то ещё. Сначала это были ценные предметы интерьера, затем отключили воду и электричество, а после перестали приносить еду.

Лишь те несколько человек, что были приставлены к нему изначально, не выдержали и стали тайно помогать, не давая ему умереть с голоду в первые же дни.

Постепенно, когда в доме почти не осталось вещей, они принялись разрушать его.

Стёкла были выбиты, белоснежные стены изрисованы краской из баллончиков, садовые растения вырваны с корнем и брошены умирать под палящим солнцем. Пышные плетистые розы на крыше сорваны и втоптаны в грязь, а нежные хризантемы «Жуйюндянь» из оранжереи были оборваны на глазах у хозяина, и их лепестки разбросали по его кровати.

Все они были кровными родственниками Янь Цзи, но истязали его вдовца без малейшего сострадания.

Они прекрасно знали, какие слова способны сломить его окончательно:

— Это ты его убил!

— Ты просто калека! Не мог помочь Янь Цзи, только тянул его на дно!

— Янь Цзи мёртв, как у тебя хватает совести жить дальше!

Последним, что они отняли, была урна с прахом Янь Цзи.

Они перерыли всю спальню и в конце концов нашли её за подушкой Чжун Цина. До этого момента, несмотря на все их бесчинства, он не сопротивлялся, не проронил ни единого упрека.

Только в этот раз он заслонил маленькую коробочку собой, не желая её отдавать.

Но изнурённое болезнью тело было лишено сил. Его с лёгкостью оттолкнули. Ни слёзы, ни мольбы, ни содранная в кровь кожа не смогли остановить этих обезумевших от жадности людей.

Однако, когда семья Янь, нагруженная добычей, собралась уходить, дорогу им преградил человек.

Он стремительно поднялся по лестнице, полы его военной формы взметнулись, неся за собой леденящий ветер. Увидев разгромленную комнату, он заметно помрачнел.

— Андре, что ты здесь делаешь? — резко спросил кто-то.

Ответом Андре был выстрел.

Пуля точно попала в коленную чашечку, и тот с воплем рухнул на пол. Стоявший рядом в ярости закричал:

— Андре Ланкастер! Ты что, решил враждовать с семьёй Янь?

Андре бросил на него презрительный взгляд, словно смотрел на мертвеца.

От этого взгляда тот попятился и не осмелился произнести ни слова, даже когда Андре подошёл и поднял на руки вдовца Янь Цзи.

Чжун Цин прижался к груди Андре. Он был в бреду от жара, но всё равно без умолку шептал:

— Верните... Янь Цзи...

Андре на мгновение замер, но всё же поднял с пола урну.

Когда Чжун Цин снова очнулся, он лежал уже не на изрезанных простынях. Обстановка в

комнате была пустой, но, по крайней мере, целой.

Кто-то смачивал его губы ватным тампоном, смоченным в воде.

Чжун Цин с трудом поднял веки и увидел Андре.

— Янь Цзи...

Услышав его голос, в глазах Андре на миг вспыхнула и тут же погасла искра гнева. Он взял с тумбочки урну и поставил её рядом с подушкой Чжун Цина.

Он молчал. Для такого молчуна это было в порядке вещей, но Чжун Цин понимал: Андре злится на него.

В первый же день своего возвращения Андре предложил забрать его к себе, чтобы оградить от преследований семьи Янь, но Чжун Цин отказался. А потом и вовсе перестал принимать гостей, прервав всякое общение с Андре. Такая прекрасная возможность — как можно было не воспользоваться ею, чтобы разыграть драму глубокой скорби?

Чжун Цин медленно заключил урну в объятия, его лицо исказила гримаса скорби.

В сердце Андре поднялась слабая горечь. Он проигнорировал это странное чувство и холодно произнёс:

— Твои слуги прибежали ко мне, сказали, что ты в опасности. В том доме больше нельзя было оставаться. Если бы ты там остался, они бы никогда не прекратили. Поэтому я принёс тебя сюда.

— Маршал знает, к чему это приведёт? Вы станете объектом сплетен.

Только что очнувшись от забытья, Чжун Цин говорил невнятно.

Андре, словно не расслышав, наклонился ближе.

— Что ты сказал?

— Маршал, ваши действия приведут...

Он замолчал на полуслове.

Они были слишком близко, щека Андре почти касалась его носа. Чжун Цин закрыл глаза и отвернулся, увеличивая дистанцию.

— Что ты сказал? — повторил Андре.

Увидев, что лежащий на кровати больше не собирается говорить об уходе, он выпрямился. Многодневная тоска в его сердце наконец рассеялась, и на губах появилась едва заметная улыбка.

Он выглянул в окно. Неподалёку виднелась белая вилла, некогда прекрасная, как дева в цветочном венке, а теперь представлявшая собой лишь жалкие руины.

Он не чувствовал ни капли сожаления, ведь настоящая красота была теперь в его доме.

Раз уж Янь Цзи оказался таким бездарем — неспособным ни побеждать в битвах, ни защитить любимого, — значит, это сделает он.

Андре стал невероятно занят.

После Номанской войны народ Альянса практически обожествовал его, назвав богом войны. В высшем военном командовании произошла перестановка сил.

Как и предсказывал его отец, тот, кто первым захватит рудники с металлом Жуйи, получит пропуск в высшие эшелоны власти. Перед этим пропуском даже многие старшие по званию ветераны вынуждены были покорно склонять головы.

Просто теперь обладателем этого пропуска стал не Янь Цзи, а Андре.

Смерть Янь Цзи позволила Андре присвоить себе всю славу. При поддержке могущественной семьи Ланкастер он в одночасье стал самой влиятельной фигурой в Альянсе.

Перераспределение власти в Военном ведомстве и передача дел в семье Ланкастер отнимали у него всё время.

Но Чжун Цина не волновала его занятость. Он целыми днями лежал в кровати, изображая меланхолию, отказываясь от еды и сна.

Поэтому, как бы ни был занят Андре, он каждый вечер обязательно возвращался домой.

Обычно он приезжал поздно ночью, когда Чжун Цин уже спал, а уезжал до рассвета. Иногда им не удавалось обменяться даже словом.

Лишь по подаркам, оставленным у двери его комнаты, Чжун Цин понимал, что он был здесь.

Через несколько дней, когда у Андре появилось немного свободного времени, он стал неотлучно находиться рядом с Чжун Цином, словно пытаясь наверстать упущенное.

По своей натуре он был молчалив и поначалу просто сидел у кровати, молча глядя на Чжун Циана. Но Чжун Цин тоже молчал, и так они могли просидеть целый день.

Андре пришлось учиться разговаривать.

Иногда он рассказывал о мелочах в Военном ведомстве, иногда — о забавных случаях, которые ему довелось услышать. Когда темы для разговоров иссякали, он читал ему книги. Но его слушатель оставался безучастным.

Андре также приносил множество безделушек. Они не нравились ему самому, но он видел их в соседнем особняке. Янь Цзи никогда не проявлял к таким вещам интереса, значит, они нравились Чжун Цину.

И вот он, словно впад в детство, стал интересоваться мыльными пузырями и пазлами. Однажды он даже принёс Чжун Циному старинную музыкальную шкатулку.

Когда её заводили, она играла весёлую мелодию, а деревянные птички на крышке, расправив крылья, кружились в танце.

Комната наполнилась этими безделушками, и в ней стало уютнее.

Тёплая, живая атмосфера витала вокруг большой деревянной кровати, но так и не смогла растопить сидевшего на ней каменного истукана.

Чжун Цин перестал говорить и смеяться.

Он потерял интерес ко всему, даже аппетит пропал настолько, что иногда приходилось ставить ему капельницы, чтобы поддерживать жизнедеятельность организма.

Он стал похож на живой труп, и любой, кто видел его, считал, что он уже никогда не оправится.

Андре испробовал всё, но мог лишь беспомощно наблюдать, как угасает жизнь Чжун Циана.

Однажды он простоял у его двери всю ночь.

На следующий день он принёс чёрный ящик.

— Когда Янь Цзи бросился в рой инсектоидов, он был на разведывательном корабле. Это чёрный ящик с того корабля. В нём его последнее послание.

Чжун Цин наконец поднял голову. От долгого сидения его суставы затекли.

В чёрном ящике сохранилась последняя видеозапись Янь Цзи.

Часть данных была стёрта. Следов взлома не было, а значит, это сделал сам владелец.

Чжун Цин видел, как Янь Цзи и Андре вместе покинули корабль и проникли на родную планету инсектоидов. Видел, как по возвращении они сражались на борту с преследовавшими их солдатами-инсектоидами.

Но после этого следовал большой пробел. Когда сигнал восстановился, вокруг уже было тихо.

Слышалось лишь капанье какой-то вязкой жидкости.

Чжун Цин услышал тяжёлое дыхание, а затем — знакомый голос.

— Я не знаю, передадут ли тебе это. Я стёр данные не потому, что хотел что-то скрыть, просто... я сейчас так ужасно выгляжу. Боюсь, если ты увидишь меня таким, то перестанешь любить.

— ...Не грусти из-за меня, А-Цин. Я знаю, тебе не нравится, когда я так тебя называю, но я ведь умираю, позволь мне хоть раз побыть эгоистом. Я ни о чём не жалею, правда. С этого момента ничто больше не сможет помешать моей любви к тебе.

— До встречи в следующей жизни.

Чёрный ящик тихо работал, пока не иссяк запас энергии. Индикатор погас с лёгким щелчком.

В комнате снова воцарилась мёртвая тишина.

Спустя долгое время раздался едва слышный всхлип.

Чжун Цин обнимал чёрный ящик, погружённый в безмерное горе, но изо всех сил сдерживал

слёзы, не желая показывать их постороннему.

Лишь когда Андре заключил его в объятия, и всё вокруг погрузилось во тьму, позволяя обмануть себя, будто рядом никого нет, он разрыдался.

Слёзы пропитали ткань рубашки на груди. Андре почувствовал влажное тепло, такое тяжёлое, что его сердце, казалось, замедлило свой бег. Замедлившееся сердцебиение, в свою очередь, повлияло на кровообращение, и он почувствовал, как глаза жжёт от прилившей крови.

Чжун Цин увлечённо изображал рыдания.

Вот чем хороша полная метка — играть сцены плача проще простого. Ущипнул себя — и слёзы градом.

Внезапно на его шею упала горячая капля, обжигая кожу. Чжун Цин вздрогнул, и даже его рыдания на мгновение прервались.

Он инстинктивно поднял глаза на Андре, но тот оставался всё таким же невозмутимым, как скала. Его лицо было сухим, без единого следа слёз.

<http://bllate.org/book/16114/1583180>